Глава 1106: Смысл выбора

Использовать массив, оставленный Чжоу Дуфу, чтобы высвободить истинную силу Монолитов Небесных Томов против Шан Синчжоу, было изначальным планом Чжоу Дуфу.

Во время тех ночей в каменной комнате Дворца Ли он стал невероятно хорошо знаком с деталями этого плана.

Но в своем изначальном плане он уже установил бы массив мечей Храма Южного Ручья вокруг Мавзолея Чжоу к этому моменту.

Несколько тысяч прославленных мечей вернулось бы в равнины, балансируя с четырьмя Монолитами Небесных Томов и убеждаясь в том, что Сад Чжоу не рухнет.

Если бы все эти планы были воплощены в реальность, у него бы был семидесятипроцентный шанс победить своего учителя.

К сожалению, все его мечи были выхвачены Шан Синчжоу, естественно, уменьшая его шансы на победу.

Что важно, без изношенных временем намерений меча нескольких тысяч мечей, которые подавляли бы их, ясные потоки света из Монолитов Небесных Томов, вероятно, уничтожат Сад Чжоу до того, как смогут победить Шан Синчжоу.

Шан Синчжоу потребовался только взгляд, чтобы увидеть намерения Чэнь Чаншэна насквозь и понять ситуацию.

Поэтому он не станет отступать, и определенно не уступит.

Он будет держаться до конца, даже желая задействовать ограничения Сада Чжоу.

Чэнь Чаншэн продолжит использовать Монолиты Небесных Томов для атаки до победы, но Сад Чжоу может быть уничтожен до того, как это случится.

… Если только Чэнь Чаншэн не желал взять эти четыре Монолита Небесных Томов и как можно скорее покинуть Сад Чжоу.

Но как только он вернется в настоящий мир, у него уже не будет печати Сада Чжоу, он не сможет использовать силу Монолитов Небесных Томов, и у него не было мечей… Как тогда Чэнь Чаншэн сможет победить его?

Это был вопрос с несколькими вариантами ответа.

Шан Синчжоу спокойно смотрел на Чэнь Чаншэна.

Свет, изливающийся с неба, был остановлен его ладонью, пока облака и ветра вступали в цикл создания и уничтожения.

В конце концов, все в мире часто было вопросом с множественным выбором.

Это и правда надоедало.

«Почему я всегда должен делать выбор?»

Чэнь Чаншэн и правда был зол, или, возможно, раздражен. Его голос уносился вдаль ветрами.

У Шан Синчжоу было безразличное выражение лица. Казалось, как будто у него не было намерений отвечать.

От Деревни Синин и до столицы, с десяти лет назад и до сейчас, он ответил на слишком много вопросов с многочисленными ответами. Это и правда сильно раздражало.

Он и правда хотел спросить своего учителя: ‘Вы не испытываете раздражения, всё время делая это?’

В конце концов, однако, он не спросил, потому что знал, что было бессмысленно это спрашивать.

Как и в прошлом, он привык делать дела, а не говорить.

Какой бы выбор он не должен был принять.

Или, возможно, он не станет делать выбор.

Да, сегодня он и правда не хотел делать другой выбор.

У него были исключительно яркие глаза, как та луна, нависшая над Городом Сюньян.

Его духовное чувство полетело через воздух в рукав Шан Синчжоу, пытаясь выхватить Ножны Свода.

Даже если он не сможет, он по крайней мере должен был восстановить связь с мечами в ножнах.

Он был уверен, что, как только эти мечи почувствуют его духовное чувство, они определенно последуют его воле, вылетая из ножен и появляясь в этом мире.

И все же, его постиг провал.

Его лицо побелело, как снег, покрывающий пустоши.

С его губ стекала струйка крови, одинокая зимняя слива в снегу.

Правая рука Шан Синчжоу продолжала держать небо.

Пока ветер развевал его рукава, можно было смутно разглядеть, что его левая рука держала ножны.

Взгляд Чэнь Чаншэна был сосредоточен там.

«Самая подлинная храбрость, интеллект и темперамент человека демонстрируются, когда он делает выбор».

Шан Синчжоу посмотрел на него и сказал: «Ты сильно разочаровал меня сегодня, потому что у тебя даже нет храбрости сделать выбор».

Чэнь Чаншэн спросил: «Так как любой выбор ведет к поражению, зачем мне выбирать?»

Шан Синчжоу ответил: «Потому что это просто твоя судьба».

Много лет назад, в старом храме Деревни Синин, он что-то сказал Чэнь Чаншэну.

‘Ты болен. Никто не может вылечить это. Это просто твоя судьба’.

Сегодня, снова, он сказал что-то подобное.

‘Что бы ты не выбрал, ты проиграешь. Это просто твоя судьба’.

Чэнь Чаншэн взглянул глубоко в равнины. Он очень долго хранил молчание.

Шан Синчжоу спокойно и тихо смотрел на него.

Через некоторое время Чэнь Чаншэн посмотрел на Шан Синчжоу и сказал: «Но моя болезнь была вылечена».

Да, его болезнь была вылечена.

Он все еще был жив.

Поэтому не было такой штуки, как судьба.

Что означало, что у выбора был смысл.

…Независимо от того, выиграет ли он или проиграет.

…..

…..

Было очень тихо, как внутри, так и снаружи Ортодоксальной Академии.

Аллея Сотни Цветений была заполнена людьми, но не было звуков, даже случайного шума.

На их лицах были напряжение, волнение и забота.

К этому мгновению все знали, что Шан Синчжоу и Чэнь Чаншэн сражались в Саду Чжоу.

Толпа не могла видеть сияния мечей или слышать их звон, и никто не знал, что именно происходило внутри.

Однако, Ван По и Принц Сян были экспертами Божественного Домена, так что пространство не могло отрезать от них всю информацию.

Почему они не могли ощутить ни одного намерения меча из Ортодоксальной Академии?

Казалось, что лицо Принца Сяна была готово плакать и смеяться, так что было невозможно сказать, что он действительно ощущал. Однако, две руки, держащие его полный живот, начали подсознательно гладить его.

Ван По подумал об определенной возможности, и его лицо стало довольно темным.

Учитывая уровень культивации Танга Тридцать Шесть, он, естественно, не мог сказать, что происходило в Саду Чжоу, но он внимательно наблюдал за изменениями в выражении лица Ван

По.

Его взгляд от начала до конца наблюдал через щель в окне за лицом Ван По.

Это был его единственный источник информации в данный миг.

Изменение в выражении лица Ван По дало ему понять, что всё было плохо, и он побледнел.

На полу можно было найти разбитую синюю фарфоровую чашку Жуяо вместе с водой и чайными листьями.

Его рука сжимала чайник, и чай в нем уже остыл.

Он приставил его ко рту и выпил полчайника холодного чая, но все еще не мог замедлить свое сердцебиение, не смог погасить тот огонь в своем сердце.

Он побежал вниз, пробегая мимо Су Моюя, и направляясь прямо к воротам Ортодоксальной Академии.

Линхай Чживан и другие были удивлены, раздумывая, что он намеревался делать.

Как Имперский Двор, так и Дворец Ли, согласились закрыть ворота Ортодоксальной Академии. Внутри могли оставаться только Ван Чжицэ, Шан Синчжоу и Чэнь Чаншэн.

Кавалерия Ортодоксии и черная кавалерия стояли на страже в окружении, как и бесчисленные культиваторы, и даже такие эксперты, как Ван По и Принц Сян.

Никто не мог подумать о входе в Ортодоксальную Академию в это время.

Танга Тридцать Шесть просто не заботили это недобрые и предупредительные взгляды, и он определенно не даст этим принцам времени говорить.

«Все, закройте рты!»

«Это Ортодоксальная Академия, и я - управляющий академии! Когда Чэнь Чаншэн не здесь, я обладаю наибольшей властью!»

«Никто не может входить, потому что я не соглашусь на это! Если я захочу войти, чьё соглашение мне потребуется?»

.....

.....

Аллея Сотни Цветений была беспокойной, намерения меча поднялись в воздух, и даже арбалетные болты направились через воздух.

Стоя у озера, Ван Чжицэ повернулся посмотреть и увидел Танга Тридцать Шесть.

Танг Тридцать Шесть догадался, что это был Ван Чжицэ, но не поприветствовал его. Он немедленно спросил: «Как попасть в Сад Чжоу?»

Прошли бесчисленные годы с тех пор, как Ван Чжицэ встретил кого-то, кто знал его личность, но кого это просто не заботило. Он неизбежно был весьма удивлен, а затем был озадачен.

Он открыл руку, раскрывая черный камень внутри, и объяснил: «Это служит входом».

Танг Тридцать Шесть потребовал: «Дайте это мне».

Его требование было точным и простым.

Настолько, что Ван Чжицэ уставился на него, и смог среагировать только через некоторое время.

«Зачем?»

«Сад Чжоу принадлежит Чэнь Чаншэну, так что этот предмет, естественно, тоже принадлежит ему».

«Он был тем, кто дал его мне, и он изначально был моим».

Сейчас пришел черед Танга Тридцать Шесть уставиться на него прежде, чем он среагировал.

«То, что он изначально был вашим, означает, что он уже не ваш. Кроме того, сколько вам лет? Он дает его вам, а сейчас вы хотите этот предмет!»

Ван Чжицэ никогда не встречал такого неразумного человека ранее. Он быстро угадал происхождение этого паренька.

Ван Чжицэ сказал: «Даже твой дедушка не посмеет так со мной разговаривать».

«Ха. Кто кроме Императора Тайцзуна посмеет относиться к вам с таким неуважением?»

Танг Тридцать Шесть вдруг сменил тему, говоря: «Но сегодня я должен поздравить вас».

Ван Чжицэ спросил: «С чем?»

«Поздравляю, что вы наконец-то встретили кого-то кроме Императора Тайцзуна, кто смеет проклинать вас».

Танг Тридцать Шесть искренне сказал: «Если вы не желаете отдать мне этот камень, я стану проклинать вашу мать».

Ван Чжицэ выгнул брови, говоря: «Я - судья этого матча».

Танг Тридцать Шесть сказал: «Вы были приглашены Шан Синчжоу. Я не доверяю вам».

Ван Чжицэ ответил: «Поп доверяет мне».

Танг Тридцать Шесть спросил: «И как это связано со мной?»

Ван Чжицэ спокойно спросил: «Если я не отдам это тебе, что ты сделаешь?»

Ответ Танга Тридцать Шесть был простым и коротким.

Меч Вэньшуй покинул ножны, покрывая поверхность озера тысячами золотых листьев.

Ван Чжицэ изменился в лице.

Не из-за меча Танга Тридцать Шесть.

А потому, что Танг Тридцать Шесть обратил хватку меча.

Чтобы перерезать себе горло.

http://tl.rulate.ru/book/1222/348832